

УДК. 903.53

**«ТЕОРИЯ МАВЗОЛЕЕВ» ИЛИ РЕГИОНАЛЬНЫЕ
ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТОВОГО МЕМОРИАЛЬНОГО
ЗОДЧЕСТВА УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ ЭПОХИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ
(ИСТОРИЧЕСКИЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ)**

Г.Н. Гарустович

*(Институт истории, языка и литературы
Уфимского научного центра Российской Академии наук)*

***Осмотри-ка основу, кирпичи потрогай –
Ее ли кирпичи не обожжены крепко,
Не заложены ль стены семью мудрецами?
«Поэма о Гильгамеше»***

Статья посвящена рассмотрению особенностей погребальной обрядности в мусульманских мавзолеях XIV века в Улусе Джучи (Ак-Орда). Автор констатирует существование в культовом мемориальном зодчестве Золотой Орды самостоятельной архитектурной школы, состоящей из двух строительных компонентов: каменных и кирпичных мавзолеев. В работе анализируются детали похоронной традиции периода двоеверия (времени распространения ислама) в степной империи. Начало строительства мусульманских усыпальниц связано с политикой исламизации государства, предпринятой ханом Узбеком и его последователями в XIV в. Мавзолеи строились для представителей аристократии, и этот процесс рассматривается автором как элемент монументальной пропаганды ислама. Уже с первых лет своего существования монументальные постройки превращаются в степном регионе в объекты общественной значимости, в священные места поклонения предкам, в сакральные памятники родовых территорий. При этом мавзолеи изначально являлись семейными усыпальницами элиты кочевой империи. Подобным образом власти государства пытались привлечь на свою сторону представителей аристократической верхушки общества, добиваясь их лояльности и приобщения к новой монотеистической религии, ставшей государственной идеологией. При всем этом, ислам в Улусе Джучи утвердился не сразу, «пройдя» в XIV веке через период двоеверия. Это доказывается наличием в погребениях мусульманских мавзолеев значительного числа пережитков язычества (украшений и других вещей, одежды и т.д.).

В целом культово-мемориальное зодчество «выполнило» свою роль. Политика исламизации в Золотой Орде завершилась успешно, подвластные ей тюркские народы постепенно приняли ислам, став частью мировой мусульманской цивилизации.

Ключевые слова: кирпичная архитектура Золотой Орды, мусульманские мавзолеи XIV в., особенности похоронной обрядности, период двоеверия, мемориальное зодчество.

В первой половине XIV века на территории Золотой Орды развертываются важнейшие идеологические, политические и социальные изменения. Происходящая здесь мировоззренческая революция связана с целенаправленной деятельностью хана Узбека по утверждению в стране мировой религии – ислама. Нам известно, что, желая добиться реального результата, Узбек-хан жестко подавлял инакомыслие в государстве, не останавливаясь даже перед казнями родственников [51, с. 163, 174, 197, 206, 277, 323, 515–516; 52, с. 141]. Однако специалисты еще мало акцентируют внимание на мирных, широко применяемых им методах монументальной пропаганды. По нашему мнению, именно с ходом идеологических реформ хана Узбека связано появление в степном регионе такого интересного вида памятников, каким являются кирпичные мавзолеи и мазары¹.

Когда мы говорим о территориальной специфике кирпичных мавзолеев региона, это вовсе не исключает принадлежность культовых построек Урало-Поволжья к архитектурной школе всего Улуса Джучи. И для нашего региона характерны были черты, отличающие зодчество Золотой Орды как целостное явление. Вот как об этом писал Г.А. Федоров-Давыдов: «Монументальная архитектура городов Золотой Орды развивалась в соответствии с общим направлением мусульманского культового зодчества Средней Азии и Закавказья» [56, с. 122]. Рассматриваемые нами ниже процессы происходили в пределах Улуса Джучи, но за примерами для их понимания и для иллюстрации важных социальных явлений мы также обращаемся к материалам с территории Улуса Чагатай и государства Хулагуидов. В этих странах, созданных монголами, примерно в одно время происходили события, связанные с исламизацией завоевателей, да и очень многие политические и идеологические явления зарождались именно здесь – в суннитской Средней Азии и в шиитском Иране.

Первый аспект рассматриваемой проблемы – две школы зодчества в Золотой Орде. На региональную специфику мемориального зодчества в степной полосе Урало-Поволжья специалисты обратили внимание уже довольно давно. Отмечено, что в регионе встречаются усыпальницы двух различных исламских архитектурных школ Золотой Орды, которые мы называем «**булгарской**» и «**среднеазиатской периферийной**». Строения двух этих школ зодчества легко различа-

¹ Анализ кирпичных мазаров (т.е. таких построек, у которых были стены, но, в отличие от мавзолеев, у них не было перекрытий) этого же времени (Соянка, Саралжин, Караул-Тюбе, Жангыз-Агаш, Базар-Тюбе, Мокринский и др.) мы планируем сделать в отдельной статье.

ются между собой, поскольку к «булгарской» школе относятся каменные мавзолеи, а к «среднеазиатской периферийной» школе – построенные из обожженного кирпича. К тому же все каменные усыпальницы локализуются в лесостепной зоне, а кирпичные – в глубинах открытой степи. Каменные постройки «булгарской школы», помимо территории города Болгара в Татарстане («Церковь св. Николая», «Монастырский погреб», и др.), выявлены в центре современного Башкортостана (мавзолеи Тура-хана, Хусейнбека и «Малый кэшэн»). Самыми известными кирпичными постройками степной полосы Волго-Уральского региона считаются мавзолеи Абат-Байтак, Жангыз-Агаш, Жаман-Каргала (Актюбинская обл. Казахстана), Кара-Яр, Домолакер, Болгасын (Тургайская обл. Казахстана), Варнинский и Троицкий (Челябинская обл.), Бэндэбикэ (Башкортостан), Мустаевский, Изобильнинский и Тоцкие (Оренбургская обл.)². В данной статье мы будем рассматривать исключительно золотоордынские кирпичные сооружения XIV века, причем только мавзолеи.

Второй аспект – территориальная локализация. Здесь речь пойдет о том, что в регионе усыпальницы строились в открытой степи, и они, как правило, не имели привязки к каким-либо поселенческим объектам. Вот как об этом писал В.Л. Егоров: «Характерной чертой Оренбургской области и прилегающих к ней районов Северного Казахстана является большое число отдельно стоящих в степи мавзолеев, сложенных из обожженного кирпича или грубо обработанных камней. Обычай их строительства довольно широко распространился здесь в XIV веке и был вызван глубоким проникновением в степи мусульманства. Мавзолеи сооружались как семейные или одиночные усыпальницы крупных феодалов-кочевников на территориях принадлежавших им улусов» [22, с. 124]. Информация о наличии вокруг местных мавзолеев следов заброшенных пашен и арыков, отмеченная П.И. Рычковым и другими авторами в XVIII в. (например вокруг мавзолея Абат-Байтак) [49, с. 124–125], ни в одном случае не нашла реального археологического подтверждения. И еще. Когда мы говорим об «отдельно стоящих усыпальницах», это не нужно понимать совсем уж буквально. Все дело в том, что в некоторых случаях в одном месте располагается сразу несколько построек (например, в группе Тоцких мавзолеев в Оренбуржье выявлено три здания). Но следов города или пашен и в этом пункте не обнаружено.

Как нам представляется, причин строительства отдельно стоящих мавзолеев в открытой степи было несколько. Помимо прочих задач присутствовал эстетический аспект проблемы: «При всей бедности форм эти непритязательные постройки степных зодчих запо-

---

² Нами названы лишь те строения, которые хотя бы частично обследовались специалистами. Разрушенных (руинированных) или полностью уничтоженных зданий в регионе известно на порядок больше.

минаются надолго. На фоне однообразной мертвой пустыни они очень выигрывают, воспринимаются как подлинные произведения искусства, как что-то живое, а вовсе не как заброшенные старые могилы» [58, с. 90]. Хотя, конечно, если этот аспект и присутствовал в планах строителей, он занимал в них далеко не первое место. Значительно большее значение уделялось возвеличиванию элиты, а также приданию общественной значимости возводимым зданиям. Поэтому они строились в центральной части местных кочевий, там, где общины скотоводов с сезонной регулярностью появлялись вместе со своими стадами и где собирались народные собрания (джиены).

Третий аспект – в мавзолеях хоронились представители элиты общества. По поводу социальной принадлежности людей из кирпичных строений С.Е. Аджигалиев выразился так: «Подобные грандиозные сооружения в степи возводились главным образом над захоронениями царственных особ ханского рода» [2, с. 22]. Конечно, насчет «ханского рода» – это некоторое преувеличение, но суть мысли понятна, мы имеем дело с погребениями высшей золотоордынской аристократии. «Такие монументальные сооружения строились над могилами богатых феодалов, представителей религиозной верхушки, а их сородичи из числа бедных таких почестей не удостоивались... Они должны были символизировать торжество, превосходство мусульманской религии над языческой» [32, с. 175, 180]. По мнению И.А. Ким, черты погребальной обрядности в мавзолеях позволяют говорить о «высоком социальном статусе захороненного в основном погребении» усыпальницы [29, с. 181]. Автор раскопок усыпальниц г.Мохши А.Е. Алихова отметила: «Бесспорно, мавзолеи являются местом захоронения местной знати» [4, с. 237]. «Под башней (мавзолеем «Болгасын» – Г.Г.) похоронена дочь знатного человека, святая» [25, с. 78]. Или «из всех древностей Троицкого уезда (речь идет о Варнинском мавзолее – Г.Г.) самый замечательный и особенно достойный внимания – хорошо сохранившееся здание мавзолея над погребенным здесь царем неизвестного народа... Киргизы, имеющие особенное почтение к мавзолею, называют его и всю местность «Кисене»» [26, с. 106].

Этот нюанс также может считаться специфической особенностью мемориальной архитектуры. В принципе, все авторы с завидным единодушием подчеркивают высокий общественный статус людей, похороненных в монументальных усыпальницах. И примеров этого можно привести множество.

Четвертый аспект проблемы – среднеазиатские истоки. Сначала обратимся к рассмотрению самого термина. Почему мы относим культовые постройки из обожженного кирпича в Золотой Орде к «среднеазиатской периферийной» школе зодчества? Ведь большая часть территории Средней Азии даже не входила в состав Улуса Джучи, являясь юртом дома Чагатаидов. Все это так, но зодчество

золотоордынского Хорезма оказывало мощное влияние на все стороны городской жизни Ак-Орды, являясь примером и в строительной технике, и в стандартах кирпича, и в архитектурных формах. При этом, если мы будем называть вещи своими именами, то невозможно не заметить то, что в Хорезме (в широком плане – в Средней Азии) строились более сложные и монументальные усыпальницы. Все новационные идеи XIII–XIV вв. (например, появление кирпичных склепов и шатровых куполов, герих, покрытие куполов глазурованными кирпичами и т.д.) зарождались в Средней Азии и Иране, и отсюда уже проникали в пределы Улуса Джучи. Поэтому у нас есть все основания считать золотоордынскую архитектуру упрощенной частью среднеазиатского зодчества, т.е. «среднеазиатской периферийной» строительной школой.

Идея о сложности и многокомпонентности золотоордынской культуры и значительном вкладе в нее Хорезма не нова. Ее сторонниками являлись еще Ф.В. Баллод и А.Ю. Якубовский [63; 19, с. 160–178]. С ней согласны все современные исследователи, и доказательства этого синкретизма и роли Средней Азии постоянно множатся [23, с. 60–68]. По этому поводу Г.А. Федоров-Давыдов заметил: «Говоря о генезисе золотоордынской городской культуры, нужно, прежде всего, указать на огромное влияние Хорезма и вообще Средней Азии на культуру Золотой Орды, как материальную, так и духовную» [57, с. 472].

В последнее время накапливается все больше материалов, свидетельствующих о значительной роли территорий Закавказья и Ирана в деле формирования элементов золотоордынской архитектурной школы. Скажем, «поливная архитектурная керамика в золотоордынских городах... рассматривалась как следствие влияния хорезмийского керамического производства. Однако Р.М. Булатов на основе изучения поливной бытовой керамики показал, что в Золотой Орде воздействие иранского и закавказского керамического художественного ремесла было более значительно, чем среднеазиатского. Такой же вывод делается... на основании исследования архитектурной керамики» [39, с. 10–11]. Последний тезис еще нуждается во всестороннем научном рассмотрении и дополнительном фактологическом подтверждении.

Пятый аспект: мавзолеи – это специфические погребальные памятники. Не нужно забывать, что мавзолеи являются своеобразными погребальными объектами, частью исламской похоронной обрядности. Известно, что «среди мусульманских обрядов самыми архаичными и содержащими в себе многочисленные доисламские языческие традиции являются погребальные обряды» [28, с. 48]. В сущности, изначально усыпальницы не были каноническими мусульманскими строениями. В раннем исламе могилы правоверных не должны были выделяться и вычурно маркироваться. К тому же по

существовавшим тогда нормам мусульманам «запрещается молиться перед толпой, на могиле, между могилами, на кладбище» [28, с. 39–40]. В основу этого запрета легло изречение пророка Мухаммада, в котором говорится: «Проклинает Аллах христиан и иудеев, которые превратили могилу своих пророков в место молитвы» [35, с. 14]. Однако, чем дальше, тем больше местные доисламские традиции влияли на облик ислама в этих землях.

Так, места общественного поклонения в Согде существовали еще до прихода арабов в Среднюю Азию. После принятия ислама далеко не все из них были заброшены, многие народные святыни продолжали пользоваться популярностью, постепенно превращаясь в мусульманские аулия, мазары и мавзолеи. В Бухаре «к домусульманскому времени в эпоху Саманидов относили... большой курган, считавшийся могилой Афрасиаба; могилу убитого Афрасиабом Сиявуша помещали около восточных ворот цитадели; огнепоклонники здесь в день науруза, перед восходом солнца, приносили в жертву петуха» [6, с. 158]. Постепенно такие места общественных поклонений включаются в перечень важнейших канонических мусульманских святынь.

Несмотря на то, что шариат не приветствует возведение над могилами помпезных сооружений и превращение их в места почитания, процесс сакрализации могил выдающихся личностей получил в Мавераннахре самое широкое распространение. Причем святыни здесь создавались не только по инициативе снизу, но и по прямому распоряжению и на средства верхов средневекового общества. «Среди святынь города (Самарканда – Г.Г.) первое место всегда занимала гробница Кусам б. Аббаса. Об этом двоюродном брате пророка, который будто бы пришел в Самарканд в 656/676 г. вместе с Са'идом б. Османом, мы у самих арабов находим противоречивые известия... По некоторым известиям, он даже умер не в Самарканде, а в Мерве. Мнимая или действительная могила Кусам при его родственниках Аббасидах, вероятно, не без их участия, сделалась предметом культа мусульман; в народе Кусам теперь известен под прозванием Шахзинде ('Живой царь')... Очень возможно, что здесь еще до ислама была какая-нибудь могила, почитавшаяся туземцами, и что культ этой могилы был перенесен на мусульманского святого. Уже в XII в., как и теперь, около могилы Кусам хоронили лиц, пользовавшихся особенным уважением...» [7, с. 142–143].

Языческие истоки многих популярных святых мест в Средней Азии признаются всеми историками и археологами. «Культа святых, их гробниц и реликвий в раннем исламе не было. Такой культ, существовавший в других религиях (например в христианстве), сложился в исламе позднее». Этот зарождающийся процесс стимулировался и расширялся парадигмой, заключающейся в том, что «ислам предписывает верующим посещать могилы правочерных, особенно гробницы святых» [40, с. 87]. В итоге, со временем, получилось так, что «в

Иране очень распространен... тип культовых зданий – мавзолеи (мазары) над гробницами шиитских имамов, их потомков (так называемых имам-задэ) и других святых» [40, с. 90].

У тюркских народов, даже в открытой степи, в местах кочевого скотоводства, «святые места» очень быстро обрастали целыми «городами мертвых». Такие кладбища «обычно образовывались вокруг могилы святого: по народному мнению, святой должен помочь тем, кто лежит рядом, пройти в рай» [9, с. 81]. Вот так везде и всюду рождались популярные места и объекты народного поклонения, со временем признанные исламом («аулия»).

Шестой аспект – в степи древние кладбища, мавзолеи и мазары наделялись сакральными функциями. Постепенно в степи не только отдельные могилы, но и целые кладбища наделялись сакральными функциями. В каждой области существовало свое «святое» кладбище («зиарат»). Подпитывалась данная традиция у тюркских и монгольских кочевников многочисленными пережитками языческого культа предков. У тюркских народов к помощи предков обращались, когда заболел домашний скот, который трижды в этих случаях прогоняли вокруг кладбища [53, с. 120–121]. По сообщению Ч.Ч. Валиханова, «киргизы (казахи – Г.Г.) при малейшем несчастье режут животное во имя Божие... или во имя арвахов или приносят жертвы не при обо, а на могилах предков. Такие жертвы они называют курбандык и саадака, и этим некоторым образом смягчают их языческое значение» [14, с. 304].

А мавзолеи и мазары благодаря своей монументальности практически сразу превращались в места почитания, и такая сакрализация прослеживается повсеместно в мусульманских странах. Таджики, например, побаивались и оказывали мазарам всяческое почтение. Считалось, что «святой», разгневавшись, может поразить болезнью [41, с. 74–76; 1, с. 320]. Мимо мазаров не ездили верхом, а всегда спешили [41, с. 74–76]. Туркмены также «почитают могилы наиболее влиятельных и известных ишанов и других уважаемых людей. Над ними обычно возводят гробницы («гумбез»)» [31, с. 100]. Постепенное признание святых мест нормами шариата, дошло до того, что посещение аулия («малый хадж») становится важнейшей обязанностью правоверных. В средневековом Иране и на сопредельных территориях «...сложилось мнение, что зийараты (т.е. паломничества к святыням – Г.Г.) к гробницам некоторых особо почитаемых имамов, шейхов и других святых (например к гробнице имама ‘Али в Наджафе или имама Хусейна в Кербеле) могут равняться «малому паломничеству» (‘умра) в Мекку» [40, с. 237].

При кажущемся визуальном многообразии мусульманских строительных форм, многое в культовой мемориальной архитектуре детально регламентировалось нормами шариата. К примеру, «все молитвенные дома (мечети), надгробные памятники, могилы му-

сультман стоят фасадом в сторону Мекки» [28, с. 38]. Нарушения существующих традиций, конечно же, встречаются, но эти примеры следует считать пережиточными явлениями. Их было довольно много на ранних стадиях распространения ислама в степном регионе Улуса Джучи в XIV веке.

В нашем регионе определенно фиксируется уважительное отношение казахов к древним могилам, в особенности к кирпичным развалинам. Золотоордынские могилы у казахов «святы и только в них хоронят они своих покойников; везде, где находится татарская могила, видны кругом и киргизския» [27, с. 58]. В начале XX столетия И.А. Кастанье отмечал: «Современные обитатели Тургайской области киргизы (казахи – Г.Г.) довольно часто хоронят своих покойников, устраивая могилы в середине или на краю насыпи древних курганов, тогда такой курган носит название по имени погребенного киргиза Альмурат-оба, Темирбай-оба, Ахмет-оба» [27, с. 62]. И в целом «киргизцы (казахи) почитают за крайнее беззаконие искать сокровища в прахе умерших людей» [27, с. 82]. Монументальные памятники золотоордынской эпохи оказали решающее влияние на процесс развития архитектурных стандартов и канонов позднего казахского мемориального зодчества. Например, в середине XIX века С. Еманов в Джезказганском районе Карагандинской области построил мавзолей Жуздена по заказу одного из казахских феодалов. Усыпальница являлась уменьшенной копией мавзолея Алаша-хана золотоордынского времени [34, с. 132].

Седьмой аспект проблемы – усыпальницы не всегда строились над могилами мусульман. Время шло, и представители верхов мусульманского общества все дальше и дальше уходили от всеобщей простоты и равенства периода раннего ислама. В монгольскую эпоху ситуация принимает оттенки абсурда, когда дело дошло до строительства мавзолеев «мусульманского типа» на могилах элиты монголов-язычников. По мнению В.В. Бартольда, «в чагатайском ханстве решительный шаг в сторону подчинения если не исламу как религии, то традициям мусульманской культуры и государственности был сделан в царствование Кебека». Этот хан считался покровителем, мусульман, хотя сам так и не принял ислам. Однако это не помешало позднее построить над его могилой мавзолей мусульманского типа [6, с. 153]. «В г.Карши, близ современного г.Нахшеба, над могилой хана Кебека (1318–1326) из дома Чагатая, остававшегося до своих последних дней приверженцем шаманизма, был позже возведен куполообразный мавзолей» [21, с. 128].

Необходимо отметить, что обряд похорон умершего правителя часто зависел не от его желаний, а от взглядов представителей ханского аристократического окружения. Еще академик В.В. Бартольд обратил внимание на то, что хан из дома Чагатая Барак, умерший в 1271 г., хотя и принял ислам, но был похоронен по языческому обряду [6, с. 149]. Ю.И. Дробышев уточняет ситуацию: хан Барак был

похоронен на высокой горе по приказу хана Кайду [21, с. 127]. Здесь явно победили монгольские традиции и точка зрения шаманистского окружения среднеазиатских ханов. Для периода двоеверия подобные коллизии были достаточно обычным явлением. Схожие факты у казахов обстоятельно описаны Чоканом Валихановым [14, с. 293–298, 298–318]. Вспомним его оценки обычаев киргизов-бурутов, которые «называют себя мусульманами, но даже не знают, что за человек был Мухаммед. Похороны, свадьбы справляют они по шаманскому обряду, но заставляют при этом, если найдется грамотный среднеазиатец или татарин, читать молитву» [13, с. 413]. В Улусе Джучи «шаманские обряды в виде пережитков удерживались в государственном строе Орды очень долго». Но и в качестве «наследия прошлого» эти обряды мало помалу утрачивали свой смысл [15, с. 83].

В период исламизации Ак-Орды многие старые могилы в Средней Азии и на Кавказе, почитаемые в народе как святые места, по приказу властей централизованно расчищались и благоустраивались [64, с. 36–38]. Здесь целенаправленно создавались культовые центры (ханака) и общественные места религиозного почитания (мазары). Об этом прямо говорит арабский путешественник Ибн Баттута [24, с. 126, 130, 140, 143–144]. Это понятно и объяснимо, когда речь идет о мусульманских магилах, пусть и основательно заброшенных. Но мы знаем из сообщений письменных источников то, что монгольские ханы – приверженцы мусульманской конфессии, приказывали возвести грандиозные мавзолеи над могилами своих предков, невзирая на их приверженность языческим верованиям, древнему монгольскому шаманизму. Речь идет, в первую очередь, об известном кладбище к северо-востоку от с.Лапас (Астраханская обл.). На карте 1367 г. итальянцев братьев Пицигани это место выделено латинским текстом: «Гробницы императоров, умерших в районе Сарайской реки» [61]. По мнению В.Л. Егорова, тут мавзолеи XIV века возвышались над могилами ханов-мусульман: Берке (1257–1267), Узбека (1312–1341), Джанибека (1341–1357) и Бердибека (1357–1359). «Можно с уверенностью считать, что именно здесь воздвигались фамильные усыпальницы Джучидов, принявших ислам... Вполне возможно, что ... здесь находится также место захоронения самого Бату и других золотоордынских ханов, не принявших ислама» [22, с. 117–118].

Этот крупный «ханский» некрополь Е.М. Пигарев назвал «городом мертвых», состоящим более чем из шестнадцати крупных строительных объектов (пять больших «ханских» мавзолеев, серии более мелких мазаров и усыпальниц столичной аристократии), а также «поселка строителей» [42, с. 107]. Пять крупных мавзолеев (№№1–4, 6) сгруппированы в две аллеи, вытянутые перпендикулярно к левому берегу р.Ахтубы (в 0,7 км от нее). Ряды больших мавзолеев дополнены малыми постройками: в северной линии – усыпальницей №9, в южной – постройки №№5 и 9 [43, 431]. Самым крупным был мавзо-

лей №1, который считается центральным на всем кладбище. Длина его стен составляла около 55х55 м. Длина стен мавзолеев №2 и №6 – 50х50 м; а у усыпальниц №3 и №4 – около 25х25 м [43, с. 431–434]. Большие здания были окружены несколькими малыми строениями, назначение которых неизвестно, поскольку раскопки кладбища до сих пор не проводились. Несмотря на неоднократные разграбления, на территории некрополя помимо обожженных кирпичей найдены поливные изразцы и резной ганч.

Образование памятника, с большой степенью уверенности, связывается с деятельностью хана Узбека. Видимо, ограбление и разрушение мавзолеев произошло в период великой замятни и в ходе нашествия Тамерлана. Уточним то, что описанный ансамбль был не единственным «ханским некрополем» в стране, кладбища джучидов и их окружения были в Сарайчике [50, 240–245] и в Сыгнаке [18, с. 308, 312].

Ильханы Ирана и их высшее окружение поступали аналогичным образом.

Персидский Азербайджан играл особую роль в истории государства Хулагуидов. «Монгольские ханы облюбовали здесь ту часть, которая составляет бассейн Урмии. На этом озере, на острове, были гробницы монгольских ханов до принятия ими ислама» [7, с. 715]. Язычники искали для себя труднодоступное место. На поверхности могилы политеистов были отмечены кирпичными постройками, позднее ставшие обычными «аулия». Город Тебриз стал столицей Ирана при Газан-хане (1295–1304). Правитель укрепляет город, «увеличивает его в 5 раз, воздвигает великолепные постройки: гробницу, мечеть и т.п.» (здесь и далее выделено мною – Г.Г.) [7, с. 715]. Постройки XIV века свидетельствуют о том, что архитектурные достижения в это время достигли своего высшего развития. Сооружения XIV–XV вв. превосходят в этом отношении все постройки, которые были на земле Персии раньше. «При монголах мы видим упадок богословских наук, которыми они до принятия ислама не интересовались, а затем упадок литературы» [7, с. 717], но исламская архитектура здесь развивалась поступательно и быстрыми темпами (особенно это касается мемориальных построек).

На территории Хорезма и Мавераннахра возведение усыпальниц получило широкое распространение еще в домонгольскую эпоху. А по заявлениям специалистов, в Средней Азии в XIII–XIV вв. мавзолеи являются чуть ли не единственным развивающимся видом монументального зодчества. В целом XIV в. становится той вехой, когда рассматриваемый нами вид архитектуры достигает подлинного расцвета в исламском мире. Так, монументальные строения на могилах элиты средневекового общества превращаются в канонические объекты, показатели аристократического статуса захороненных в них мусульман. Дело доходит до того, что представители верхов феодального общества еще при жизни начинают строить для себя мону-

ментальные мазары. Скажем, хулагуид Газан-хан, принявший ислам, «в г.Газание (около своей столицы Тебриза)... заранее соорудил себе усыпальницу, называвшуюся Высокий гумбад» [21, с. 127]. Свою причину разрыва с монгольской традицией он объяснил достаточно просто: «Поскольку мы стали мусульманином, надобно, чтобы и отличительный наш признак стал как у мусульман, особенно потому, что обряды мусульманские гораздо лучше тех обычаев...» [48, с. 229]. Когда в 1300 г. в Уджане умер царевич Алачу, гроб с его телом был доставлен в Высокий гумбад. «Скорбящий Газан-хан ежедневно приходил к этому зданию. Отсюда логично предположить, что Высокий гумбад (гумбез – купол – Г.Г.) предназначался ханом для упокоения не только своего тела, но и усопших родственников. В Тебризе же похоронили жену Газан-хана Керемун-хатун, которая скончалась в 1304 г. ...Сильно опечаленный хан приказал, чтобы то, что относится к обязанности [соблюдения] порядков и обрядов в отношении нее, исполнили бы на все лады». Комментируя информацию Рашид-ад-дина, Ю.И. Дробышев заметил: «Возможно, слова «на все лады» могли обозначать, что над телом хатун были совершены обряды как монгольские, так и мусульманские» [21, с. 128]. Сам хан упокоился в Великом гумбаде в 1305 году.

Восьмой аспект – новая традиция меняет старые каноны шариата. Как известно, любая мировая религия обладает мощной способностью приспособления к местным, часто весьма специфическим условиям. «Возведение надмогильных сооружений осуждалось, хотя наказ этот нарушался относительно давно, даже в областях, ортодоксально придерживавшихся предписаний шариата, например, в самой Аравии, где погребение некоторых лиц совершалось при отстроенных ими мечетях. Что же касается сооружений специальных мавзолеев, то это явление более позднее» [46, с. 59]. Мусульманские правоведы описанной выше парадоксальной ситуации быстро нашли приемлемое объяснение. Внимание было обращено на то, что в основе религиозной традиции строить себе усыпальницу еще при жизни лежат совершенно конкретные нормы шариата, который «требует, чтобы мусульманин еще в земной жизни готовился к загробному миру... Высокопоставленные люди... строили роскошные мавзолеи, гробницы и усыпальницы задолго до того, как смерть настигла их» [28, с. 49]. Строительство монументальных построек на могилах мусульман очень рано стало считаться престижным делом. Не случайно, что многие правоверные из низов общества также сами начинали обустривать себе место будущего упокоения. К примеру, у казахов «...иногда какой-нибудь человек еще при жизни строит для себя отдельную могилу, не надеясь на то, что хватит средств на ее постройку после смерти его...» [5, с. 27].

Не только захоронение в мавзолее, но и строительство усыпальниц в святых местах стало считаться богоугодным и престижным делом. Эмир Тимур известен не только благодаря обустройству се-

мейной усыпальницы (в Самарканде), но и строительству мавзолея над прахом Ходжи Ахмеда Яссави (Яссауи), считающегося святым (в г. Яссы – Туркестане). По указу «железного хромца» в конце XIV века возводится мавзолей, именуемый в народе «Азрет Султан». «Постройка мавзолея почитаемой среди кочевников фигуре Яссауи была политическим шагом...» [3, с. 198]. «В мавзолее помимо самого Ходжа Ахмеда похоронены видные казахские ханы, бии и батыры. Мавзолеем стал культовым хранилищем для последнего приюта великих людей Казахского ханства» [3, с. 199].

Подобных примеров можно привести множество. Но мы назовем лишь еще один из них. Известно, что в Ургенче (Хорезм) в ходе монгольского вторжения погиб известный проповедник Надж-ад-дин Кубр. А примерно через столетие на его могиле (!?) был построен мавзолей. Как свидетельствует надпись на портале, здание возведено во время правления Кутлуг-Тимура, примерно между 1321 и 1333 годами [44, с. 38–42].

Девятый аспект: мавзолей – это семейные усыпальницы. То, что мавзолей являются семейными усыпальницами, признают все исследователи. Но мы все же приведем доказательства подобной «семейственности», а заодно посмотрим, что следует ожидать археологам при расчистке элитарных мусульманских захоронений. Взглянем, к примеру, на захоронения в усыпальнице ширваншахов в Баку, сооруженной в 839 г.х. (1435–36 гг.) [33, с. 25]. Здесь, судя по надписям над входом в мавзолей, захоронены мать и сын ширваншаха Халиуллы I. В других гробницах выявлены останки других членов семьи. Умершие покоились в гробовищах, выявлены тканевые подстилки и обертки, шелковая рубаха, золотая булавка с полудрагоценными камнями (в погребении юноши). Этот мавзолей с полным основанием можно считать семейной усыпальницей.

Почему мы акцентируем внимание на том, кого хоронили в мавзолеех? Данный вопрос не так прост, как может показаться с первого взгляда. К примеру, когда мы расчищали захоронения в каменном мавзолее Хусейнбека (Башкортостан), оказалось, что шесть погребений из девяти выявленных принадлежали детям разного возраста, и еще в трех могилах зафиксированы останки взрослых людей. Учитывая текст эпитафии на надмогильном камне, мы знали имя «хозяина» усыпальницы – Хусейнбек (погр. 1), а рядом с ним лежали, как мы посчитали тогда, две его жены (погр. 2 и 7) [16, с. 175]. Однако проведенный молекулярно-генетический анализ останков показал, что рядом с Хусейнбеком (погр. 1) покоилась лишь одна женщина (погр. 2), а вплотную к ней лежал ее родной брат (погр. 7) [30, с. 195–199]. Как видим, в данном случае, «семья» понималась несколько расширенно.

Когда мы не имеем научных данных молекулярно-генетического анализа и при редких случаях проведения элементарных антропологических исследований останков людей из мавзолеев, говорить что-

либо определенное опасно. Почему? А возьмем, к примеру, этнографические материалы по киргизам. С.М. Абрамзон прямо говорит о том, что хотя гумбезы считаются у них семейными усыпальницами, однако в мавзолеях и склепах запрещено хоронить женщин, хотя детей здесь погребать можно [1, с. 321, 323]. Откуда возникают подобные требования – понятно, в Коране женщина рассматривается как существо более греховное, нежели мужчина. Шариат даже предписывает хоронить женщин глубже, в сравнении с мужчинами. В Средней Азии, как правило, могилы для женщин копались на глубину до мочки уха человека, для мужчин – до пояса или до плеч (как у таджиков) [55, с. 145–146]; либо у женщин – до уровня груди, а у мужчин – до пояса (как у узбеков) [62, с. 155].

Различия в отношении ислама к женщинам и мужчинам породили серию ошибочных толкований ряда исторических явлений. К примеру, В.Л. Вяткин отрицал возможность существования женских надгробных мусульманских эпитафий в Средней Азии. Но, как отметил В.Н. Настич, сейчас это убеждение полностью опровергнуто, что доказывается находками множества эпитафий, и «самая ранняя из них датируется... XII в.» [37, с. 64]. На предвзятую точку зрения о роли женщины в мусульманском обществе указывал еще историк В.В. Бартольд в работе «Первоначальный ислам и женщина» [8] и в других статьях.

А у кочевых народов (тюрков и монголов) принижение роли женщины вообще не прижилось. Женщины обладали здесь значительной свободой, они не закрывали своих лиц (т.е. не носили паранджу), пользовались уважением и определенными правами в общественной жизни. Особенно такое отношение характерно для средневековых монголов, что нашло отражение в нарративных источниках. «Известный арабский путешественник... Ибн-Баттута, проехавший в 30-х годах XIV в. через Дешт-и-Кыпчак... пишет: «В этом крае я увидел чудеса по части великого почета, в каком у них (татар) находятся женщины. Они пользуются большим уважением, чем мужчины...» [51, с. 288]. Не менее определенно по этому поводу высказался Ал-Омари: «Жители этого государства (т.е. Золотой Орды – Г.Г.) не следуют, как те (в Ираке и Аджеме), установлениям халифов, и жены их участвуют с ними (мужьями) в управлении; повеления исходят от них (от обоих), как у тех, да еще более... Право, мы не видали в наше время, чтобы женщина имела столько власти, сколько имела она, да и не слышали о подобном примере за близкое к нам время. Мне привелось видеть много грамот, исходивших от царей этих стран, времен Берке и позднейших. В них (читалось): «мнения хатуней и эмиров сошлись на этом» и тому подобное» [51, с. 229].

Практически все современные историки единодушны в оценках высокой роли женщины в государствах, созданных монголами [18, с. 91–92]. Даже в религиозной жизни в стране женщины принимали самое непосредственное и активное участие. Ибн Баттута записал в

первой половине XIV в.: «Султан и хатуни ходят посещать шейха и получают от него благословения; они расточают милостыни и раздают большие подарки, в особенности женщины, которые делают большие подаяния и творят добрые дела» [24, с. 130]. К слову сказать, владетельные потомки монгольских завоевателей старательно демонстрировали свое особое отношение к женщине, иногда шокируя этим наблюдателей с Ближнего Востока. Так, по словам ал-Макризи, в 1416 году в Дамаск прибыл красочный кортеж жены Идигея, желающей совершить хадж в Мекку. Высокопоставленную женщину сопровождали аж 300 золотоордынских всадников [51, с. 442; 19, с. 404]. Великий временщик явно «просчитал наперед» реакцию досужих наблюдателей – арабов.

Подтверждение высокой роли женщины в кочевом сообществе потомков монголов в Восточной Европе можно обнаружить, анализируя материалы мавзолеев XIV века. Когда мы привлекаем в качестве примера факты строительства «персональных» усыпальниц над прахом женщин «царских кровей», – здесь все понятно. Мавзолей Тюрбек-ханум в Ургенче [54, с. 159–163] предназначался для родственницы хана Узбека; или дюрбе в Чуфут-Кале в Крыму, над могилой Джанке-ханым (Хакке) – дочери Токтамыш-хана [11, с. 197–198]. Естественно, что примеру царственных особ во всем следовали представители высшей элиты феодальных государств (к примеру, посмотрим надпись на гумбазе Манаса в Киргизии: «...Кенизек Хатун, дочери эмира превосходного... амира Абука» [20, с. 66]). Однако и для женщин не такого высокого происхождения (хотя все же из аристократических семей) строились усыпальницы. Скажем, местная легенда приписывала захоронение в кирпичном мавзолее на юге Башкортостана (Кугарчинский р-н) святой женщине – Бэндэбикэ [10, с. 204–206]. Раскопки вроде бы подтверждают слова народного предания, поскольку в единственном захоронении, в самом центре усыпальницы была захоронена женщина сравнительно молодого возраста [32, с. 176–178]. Значит, мавзолеи строились не только для мужчин, но и персонально для женщин. По всей видимости, аналогичная ситуация фиксируется в мавзолее Болгасын (Казахстана), в котором, по сообщению местных жителей, «похоронена дочь знатного человека, святая. Сюда стекаются киргизки-паломницы, страдающие бесплодием» [25, с. 78].

Если высокая роль женщин в Улусе Джучи подразумевала равенство их с мужчинами при захоронении, однако этого мы не можем сказать по отношению к детям. Тем более, что в мусульманских областях детей хоронили иногда отдельно от взрослых. В Таджикистане, к северу от Каратегина, младенцев погребали на специальных кладбищах [55, с. 142]. Такое же обособленное захоронение на отдельных кладбищах взрослых и детей фиксируется у узбеков [62, с. 154]. Однако эта традиция отмечается не на всей территории Средней Азии. А в мавзолеях детей хоронили повсеместно рядом с родителями (но по сторонам от взрослых). У верхов общества, когда

семья была большая, строили несколько усыпальниц. К примеру, в 1464 году в Самарканде был отстроен мавзолеем для женщин и детей рода тимуридов (Ишратхана), вскоре после этого возводится мужской династический мавзолеем – Ак-Сарай [47, с. 277]. Так появлялись целые ансамбли мусульманских мавзолеев.

Десятый аспект – язычники или мусульмане? Одним из важнейших требований шариата является запрет хоронить правоверных с украшениями и другими вещами. «Важным и категоричным... является в ортодоксальном мусульманском погребальном обряде... требование об отсутствии в могиле каких было то ни было сопровождающих вещей, кроме савана. В специальной главе книги «Хидая» (гл. 22) рассматриваются правила погребения людей, погибших на войне («мучеников за веру»), в отношении которых допускается ряд исключений...». Но «даже в могилах «мучеников за веру» не должно быть никаких вещей, кроме одежды» [18, с. 91–92]. Но это в теории, а реалии XIV века дают нам несколько иную информацию.

Не имея места для подробных характеристик, мы лишь отметим, что из четырнадцати рассматриваемых нами кирпичных мавзолеев XIV века на Южном Урале (названных выше), в погребениях десяти (!!!) из них были найдены вещи (71,4%)³. Самые богатые наборы погребального инвентаря обнаружены в Мустаевском [36, с. 12–14], Изобильнинском [17, с. 153–160] и Тоцких усыпальницах [45] в Оренбуржье; а также – в Варнинском мавзолее в Челябинской области [12, с. 154–157]. Вот и спрашивается – можно ли считать эти мавзолеи мусульманскими сооружениями? Видимо, «да», хотя и с оговорками. Подобные коллизии характерны для переходного времени, т.е. для периода двоеверия. Общеизвестно, что при распространении новой идеологии в первую очередь приживались ритуалы и уж затем осваивались остальные составляющие религиозной доктрины (догматика, фикх и т.д.). Но и на знакомство с новыми обрядами также нужно было время. Ничто не происходит в одночасье...

По всей видимости, хан Узбек и мусульманские правоведы вынуждены были мириться с подобными нарушениями норм шариата, понимая значение монументальной пропаганды в деле распространения ислама. Далеко не все в государстве могло решаться силой, а время «играло» на стороне представителей исламской партии. И действительно, пусть и не сразу, но пережитки политеизма постепенно исчезали из похоронных традиций. Со временем на смену смешанным ритуалам периода двоеверия приходят вполне ортодоксальные, выдержанные исламские обряды.

Археологические исследования в погребальных камерах мавзолеев средневекового Востока показывают, что даже в семьях феодальных владетелей допускались захоронения с украшениями или

---

³ Здесь мы учитывали не количество погребений в мавзолеех, а численность самих усыпальниц.

иными пережитками прошлого. О захоронениях с вещами (одежда, золотая булавка, и т.д.) в усыпальнице ширваншахов XV века в Баку мы говорили выше. Мусульманское захоронение начала XV века в халате выявлено археологами в Средней Азии (мавзолеем эмира Бурдундука в ансамбле Шихи-Зинда) [38, с. 244]. Детское погребение не в саване, а в одежде (халате) противоречит нормам шариата [38, с. 251], за исключением случаев, когда дети были поражены безумием (тогда они приравнивались к мученикам, которых разрешалось хоронить в своих одеждах) [60, с. 180]. К тому же, из этнографических описаний мы знаем, что в обозримом прошлом у мусульманских народов халаты выполняли важную функцию в похоронном обряде. У казахов тело умершего заворачивали в саван (кефэн), но когда несли его на кладбище на носилках, «...сверху ящик накрывается халатами» [5, с. 26]. И все же наличие пережиточных явлений еще в XV веке заставляет нас задуматься.

В целом, обзор особенностей культового мемориального зодчества Волго-Уральского региона показывает, что названные выше черты присущи не только нашим пределам, но и, в той или иной степени, они фиксируются в других областях Улуса Джучи, а так же в соседних странах. Подтверждая этим существование в государстве в XIV веке особой золотоордынской (точнее – «среднеазиатской периферийной») архитектурной школы. А самый главный вывод заключается в том, что в ходе своих религиозных реформ хан Узбек использовал различные методы (и силовые, и пропагандистские), и, несмотря на их сложность, новации и дороговизну, эти идеологические изменения завершились успешно. Тюркские народы Улуса Джучи приняли ислам, объективно став составной частью мировой мусульманской цивилизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л.: Наука, 1971. 404 с.
2. Ажигали С.Е., Турганбаева Л.Р. Абат-Байтак – жемчужина Казахской степи. Алматы, 2004. 32 с.
3. Аканов К.Г. Исследования священных мест Казахстана в рамках проекта «Гасырлар жырлайды» («Песнь веков») // От древности к новому времени (проблемы истории и археологии). Вып. XVII. Уфа: Редакционно-издательский центр Башкирского государственного университета, 2012.
4. Алихова А.Е. Мавзолеи города Мохши-Наровчата // Советская археология. 1973. №2.
5. Балаубаева-Голяховская А.М. Погребальные обряды у казахов Акмолинской губернии // Сборник научного кружка при Восточном факультете Среднеазиатского университета. Вып. I. Ташкент, 1928.
6. Бартольд В.В. История Туркестана // Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. 763 с.

7. Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира // Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М.: Изд-во восточной литературы, 1963.
8. Бартольд В.В. Первоначальный ислам и женщина // Сочинения. Т. 6. М.: Изд-во восточной литературы, 1966.
9. Басилов В.Н. Культ святых в исламе. М.: Мысль, 1970. 144 с.
10. Башкирское народное творчество. Т. 2. Предания и легенды. Уфа: Башкиргоиздат, 1987. № 214.
11. Боданинский У. Татарские «дурбе» – мавзолеи в Крыму // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т. 1 (58). Симферополь, 1927.
12. Боталов С.Г., Гарустович Г.Н., Яминов А.Ф. Новые материалы по мавзолеям Зауралья и Центрального Казахстана // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. Вып. 1. Уфа: Научно-производственный центр Министерства культуры Республики Башкортостан, 1995.
13. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений. Т. 1. Алма-Ата, 1961. 313 с.
14. Валиханов Чокан. Избранные произведения. М.: Наука, 1986. 414 с.
15. Веселовский Н.И. О религии татар по русским летописям // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Июль 1916.
16. Гарустович Г.Н. Погребения в каменных мавзолеях Башкирского Приуралья // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. Вып. 1. Уфа: Научно-производственный центр Министерства культуры Республики Башкортостан, 1995.
17. Гарустович Г.Н., Турецкий М.А. Новый тип мусульманских мавзолеев на Южном Урале // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова (г. Астрахань, 2–6 октября 2011 г.). Казань: ИИ АНТ, 2011.
18. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда: Очерк истории Улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII–XIV вв. Л.: Соцэкгиз, 1937.
19. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
20. Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. Вып. 1. Фрунзе: АН КиргизССР, 1963.
21. Дробышев Ю.И. Похоронно-поминальная обрядность средневековых монголов и ее мировоззренческие основы // Этнографическое обозрение. 2005. №1. 2005; Со ссылкой на раб.: Бартольд В.В. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии // Сочинения. Т. 2. Ч. 2. М.: Изд-во восточной литературы, 1964.
22. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985.
23. Ерзакович Л.Б. О южноказахстанском компоненте в материальной культуре городов Золотой Орды // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1970.
24. Золотая Орда в источниках. Т. I. Арабские и персидские сочинения. М.: Наука, 2003.
25. Известия Археологической комиссии. Прибавление к Вып. 6. СПб., 1903.

26. Игнатъев Р.Г. Городища и курганы Оренбургской губернии // Известия Археологической комиссии. Вып. 5. СПб., 1903.
27. Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XXII. Оренбург, 1910.
28. Керимов Г.М. Шариат и его социальная сущность. М.: Наука, 1978. 224 с.
29. Ким И.А. Золотоордынский мавзолей у п. Бахтияровка // Древности Волго-Донских степей. Вып. 3. Волгоград: Перемена, 1993.
30. Кравцова О.А., Нечвалода А.И. Молекулярно-генетический анализ человеческих останков золотоордынского времени из мавзолея Хусейнбека // Уфимский археологический вестник. Вып. 6–7. Уфа: Гилем, 2007.
31. Логашова Б.-Р. Туркмены Ирана. Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1976.
32. Мажитов Н.А. Тайны древнего Урала. Уфа: Башкирское издательство, 1973. 136 с.
33. Манцевич-Мустафаева Н.В. Гробницы в усыпальнице ширваншахов // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XXIV. М.-Л.: АН СССР, 1949.
34. Мендикулов М.М. К характеристике архитектуры Казахстана XIX века и начала XX века // Маргулан А., Басенов Т., Мендикулов М. Архитектура Казахстана. Алма-Ата: Казгослитиздат, 1959.
35. Мин ахадис ан-наби салла-лахи алейхи ва саллам // Арабская хрестоматия. Составители В.Ф. Гиргас и барон Розен. СПб., 1912.
36. Моргунова Н.Л., Краева Л.А., Матюшко И.В. Курганный могильник Мустаево V // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VII. Оренбург: Изд-во Оренбургского государственного педагогического университета, 2005. Рис. 10–12.
37. Настич В.Н. Арабская погребальная эпитафия Южного Казахстана и Киргизии как исторический источник // Бартольдские чтения 1981. Год пятый. Тезисы докладов и сообщений. М., 1981.
38. Немцева Н.Б. К истории тканей и одежды населения Средней Азии XV в. // Из истории искусства Великого города. Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1972.
39. Носкова Л.М. Архитектурный декор золотоордынских городов Нижнего и Среднего Поволжья. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1973.
40. Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII–XV веках. Л.: Изд-во ЛГУ, 1966.
41. Пещерева Е.М. Ягнобские этнографические материалы. Душанбе: Дониш, 1976.
42. Пигарев Е.М. Новые памятники золотоордынской эпохи в Астраханской области // XIII Археологическое совещание. Тезисы докладов. Ч. II. Уфа: Уфимский научный центр Российской академии наук, 1996. С. 107.
43. Пигарев Е.М. Ханский некрополь у села Лапас Астраханской области // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Матер. IV Международная конференция, посвященная памяти проф. МГУ Г.А. Федорова-Давыдова, 30 сентября – 3 октября 2008 года / Донские древности. Вып. 10. Азов: Изд-во Азовского государственного заповедника, 2009.

44. Пилявский В. Ургенч и Миздахкан. М.: Изд-во Академии Архитектуры АН СССР, 1948.
45. Попов С.А. Тайны Пятимаров. Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 1971.
46. Пугаченкова Г.А. К проблеме возникновения «шатровых мавзолеев» Хорасана // Материалы Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции. Вып. 1. Ашхабад: Туркменский филиал АН СССР, 1949.
47. Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины XIX в. М.: Искусство, 1965.
48. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. III. М.-Л.: АН СССР, 1946.
49. Рыков П.И. Топография Оренбургской губернии // Оренбургские степи в трудах П.И. Рычкова, Э.А. Эверсмана, С.С. Неуструева. М.: Государственное издательство географической литературы, 1949.
50. Самашев З., Кожиков Д., Талеев Д. Сарайчик: проблемы исследования Великого города // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия. Алматы, 1998.
51. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Тип-я Императорской Академии наук, 1884.
52. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений / Обработаны А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
53. Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969.
54. Снесарев Г.П. Тюркбек-ханым // Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979.
55. Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 3. Душанбе: Дониш, 1976.
56. Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М.: Искусство, 1976. 228 с.
57. Федоров-Давыдов Г.А. Культура и общественный быт золотоордынских городов // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. 1964. Т. 5. М.: Наука, 1970.
58. Формозов А.А. Археологические путешествия. М.: Наука, 1974. 120 с.
59. Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань: Изд-во КГУ, 1986. 160 с.
60. Цветков П. Исламизм. Т. III. Практические обязанности исламизма. Асхабад, 1913. 560 с.
61. Чекалин Ф.Ф. Саратовское Поволжье в XIV веке по картам того времени и археологическим данным // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Т. 2. Вып. 1. Саратов, 1889. Рис. 17.
62. Шаниязов К. Узбеки-карлуки. Историко-этнографический очерк. Ташкент: Наука, 1960. 193 с.
63. Якубовский А.Ю. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая-Берке // Известия государственной Академии истории материальной культуры. Т. VIII. Вып. 2–3. М.: Из-во АН СССР, 1931;

64. Якубовский А.Ю. Развалины Ургенча // Известия государственной Академии истории материальной культуры. Т. VI. Вып. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1930.

Сведения об авторе: Геннадий Николаевич Гарустович – старший научный сотрудник отдела археологических исследований Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской Академии наук, кандидат исторических наук (450054, Проспект Октября, д. 71, Уфа, Башкортостан); garustovich03@mail.ru

---

**THE «THEORY OF MAUSOLEUMS» OR THE REGIONAL FEATURES
OF SPIRITUAL MEMORIAL ARCHITECTURE OF THE GOLDEN
HORDE ERA IN THE URAL-VOLGA REGION**
(HISTORICAL AND ETHNOGRAPHICAL ASPECTS OF THE PROBLEM)

G.N. Garustovich

*(Institute of History, Language and Literature
of the Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*

This article reviews the features of the funeral ceremonies in the Muslim mausoleums of 14th century in the Ulus of Jochi (Ak-Horde). The author states that there was an independent architectural school in cultic memorial architecture of the Golden Horde. This school can be recognized in its stone and brick mausoleums. The author analyses features of the funeral tradition of the period when the dual faith believes (period of the nascence of Islam) was spread all over the steppe empire. The Muslim burials appeared in the times of Islamization, a policy pursued by Uzbek khan and his successors in 14th century. The mausoleums were built for the aristocracy. The author believes that they also served as a monumental propaganda of Islam. From the very beginning, those monumental buildings in the steppe areas were turned into the venues with the social significance, into the sacral places for worshiping the ancestors, into the sacral monuments of the tribal territories. At the same time, the mausoleums, initially built as the family burials of the elite of the nomad empire, were keeping their first function. Thus, the empire's ruling class was trying to win over the aristocratic members of the society and get their loyalty in the process of conversion to the new monotheistic religion, which had become empire's new ideology. Islam in the Ulus of Jochi was not accepted immediately and had to coexist with different religion in the 14th century. Muslim mausoleums contain significant number of the heathen artifacts (jewelry, clothes etc.), which can serve as the evidence of the coexistence of heathenism and Islam.

In general, cultic memorial architecture accomplished its «mission». The Golden Horde was successfully Islamized. Over time, the Turkic people under the empire converted to Islam thus becoming the part of the world Muslim civilization.

Keywords: brick architecture of the Golden Horde, 14th century Muslim mausoleums, features of funeral ceremony, dual faith, memorial architecture.

REFERENCES

1. Abramzon S.M. *Kirgizy i ih jetnogeneticheskie i istoriko-kul'turnye svjazi* [The Kirghiz and Their Ethno-Genetic and Historico-Cultural Relations]. Leningrad, Nauka Publ., 1971. 404 p.
2. Azhigali S.E., Turganbaeva L.R. *Abat-Bajtak – zhemchuzhina Kazahskoj stepi* [Abat-Baytak – the Pearl of the Kazakh Steppe]. Almaty, 2004. 32 p.
3. Akanov K.G. Issledovanija svjashennyh mest Kazahstana v ramkah proekta «Gasyrlar zhyrlaydy» («Pesn' vekov») [Studies of the Sacred Places of Kazakhstan within the Framework of the Project «Gasyrlar zhyrlaydy» «Song of the age»]. *Ot drevnosti k novomu vremeni (problemy istorii i arheologii)* [From Ancient Times to the Modern Era (the problems of history and archeology)]. Is. XVII. Ufa, Redakcionno-izdatel'skij centr Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2012.
4. Alihova A.E. Mavzolei goroda Mohshi-Narovchata [Mausoleums of the City of Mokhshi-Narovchat]. *Sovetskaja arheologija* [Soviet Archaeology]. 1973, no. 2.
5. Balaubaeva-Goljahovskaja A.M. Pogrebal'nye obtjady u kazahov Akmolinskoj gubernii [Funeral Ceremonies among the Kazakhs of Akmola Province]. *Sbornik nauchnogo krushka pri Vostochnom fakul'tete Sredneaziatskogo universiteta* [Collection of Scientific Circle at the Oriental Department of the Central Asian University]. Is. I. Tashkent, 1928.
6. Bartol'd V.V. *Istorija Turkestana* [History of Turkestan]. *Sochinenija* [Writings]. Vol. 2. Part. 1. Moscow, Vostochnaja literature Publ., 1963. 763 p.
7. Bartol'd V.V. Mesto prikaspijskih oblastej v istorii musul'manskogo mira [Place of the Caspian Littoral Regions in the History of Muslim World]. *Sochinenija* [Writings]. Vol. 2. Part. 1. Moscow, Vostochnaja literature Publ., 1963.
8. Bartol'd V.V. Pervonachal'nyj islam i zhenshina [The Original Islam and Woman]. *Sochinenija* [Writings]. Vol. 6. Moscow, Izdatel'stvo vostochnoj literatury, 1966.
9. Basilov V.N. *Kul't svjatyh v islame* [The Cult of Saints in Islam]. Moscow, Mysl' Publ., 1970. 144 p.
10. *Bashkirskoe narodnoe tvorcestvo. Tom 2. Predanija i legendy* [Bashkirian Folklore. Vol. 2. Tradition and Legends]. Ufa, Bashkniigoizdat Publ., 1987, no. 214.
11. Bodaninskij U. Tatarskie «durbe» – mavzolei v Krymu [The Tatar «Durbe» – Mausoleums of Crimea]. *Izvestija Tavricheskogo obshhestva istorii, arheologii i jetnografii* [Proceedings of the Tauride Society of History, Archeology, and Ethnography]. Vol. 1 (58). Simferopol', 1927.
12. Botalov S.G., Garustovich G.N., Jaminov A.F. Novye materialy po mavzolejam Zaural'ja i Central'nogo Kazahstana. Nasledie vekov [New Materials on the Mausoleums of Transurals and Central Kazakhstan]. *Ohrana i izuchenie pamjatnikov arheologii v Bashkortostane* [The Protection and Study of Archaeological Monuments in Bashkortostan]. Is. 1. Ufa, Nauchno-proizvodstvennyj centr Ministerstva kul'tury Respubliki Bashkortostan Publ., 1995.
13. Valihanov Ch.Ch. *Sobranie sochinenij* [Collected Writings]. Vol. 1. Alma-Ata, 1961. 313 p.
14. Valihanov Chokan. *Izbrannye proizvedenija* [Selected Works]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 414 p.

15. Veselovskij N.I. O religii tatar po russkim letopisjam [On the Religion of Tatars according to the Russian Chronicles]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija* [Journal of the Ministry of Public Education]. Novaja serija. Ijul' 1916.
16. Garustovich G.N. Pogrebenija v kamennyh mavzolejah Bashkirskogo Priural'ja [Burials in the Stone Mausoleums of the Bashkir Urals]. *Nasledie vekov. Ohrana i izuchenie pamjatnikov arheologii v Bashkortostane* [The Legacy of Centuries. The Protection and Study of Archaeological Monuments in Bashkortostan]. Is. 1. Ufa, Nauchno-proizvodstvennyj centr Ministerstva kul'tury Respubliki Bashkortostan Publ., 1995.
17. Garustovich G.N., Tureckij M.A. Novyj tip musul'manskih mavzoleev na Juzhnom Urale [A New Type of Muslim Mausoleums in the Southern Urals]. *Dialog gorodskoj i stepnoj kul'tur na evrazijskom prostranstve. Materialy V Mezhdunarodnoj konferencii, posvjashhennoj pamjati G.A. Fedorova-Davydova (g. Astrahan', 2–6 oktjabrja 2011 g.)* [Dialogue between Urban and Steppe Cultures in Eurasia: Collected articles]. Kazan, Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2011.
18. Grekov B.D., Jakubovskij A.Ju. *Zolotaja Orda: Oчерk istorii Ulusa Dzhuchi v period slozhenija i rascveta v XIII–XIV vv* [The Golden Horde: Essay on the History of the Ulus of Jochi in the Period of Formation and Heyday in the 13th–14th centuries]. Leningrad, Socjkgiz Publ., 1937.
19. Grekov B.D., Jakubovskij A.Ju. *Zolotaja Orda i ee padenie* [The Golden Horde and Its Downfall]. Moscow, Leningrad, Akademija nauk SSSR Publ., 1950.
20. Dzhumagulov Ch. Jepigrafika Kirgizii [Epigraphics of Kyrgyzstan]. Is. 1. Frunze, Akademija nauk KirgizSSR, 1963.
21. Drobyshev Ju.I. Pohoronno-pominal'naja obrjadnost' srednevekovykh mongo-lov i ee mirovozzrencheskie osnovy [Funeral and Memorial Ritualism of Medieval Mongols and Its Ideological Foundations]. *Jetnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2005. No. 1. 2005; So ssylkoj na rab.: Bartol'd V.V. Raboty po otdel'nym problemam istorii Srednej Azii [With reference to the work: V.V. Barthold. Works on Particular Issues in the History of Central Asia]. *Sochinenija* [Writings]. Vol. 2. Part. 2. Moscow, Vostochnaja literatura Publ., 1964.
22. Egorov V.L. *Istoricheskaja geografija Zolotoj Ordy v XIII–XIV vv.* [Historical Geography of the Golden Horde in the 13th–14th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1985.
23. Erzakovich L.B. O juzhnokazahstanskom komponente v material'noj kul'ture gorodov Zolotoj Ordy [On the South Kazakhstan Component in Material Culture of the Golden Horde Cities]. *Po sledam drevnih kul'tur Kazahstana* [On the Trail of the Ancient Cultures of Kazakhstan]. Alma-Ata, Nauka Publ., 1970.
24. *Zolotaja Orda v istochnikah.* Vol. I. *Arabskie i persidskie sochinenija* [The Golden Horde in the Sources. Vol. 1. Arabic and Persian Writings]. Moscow, Nauka Publ., 2003.
25. *Izvestija Arheologicheskoi komissii. Pribavlenie k Vyp. 6* [Proceedings of Archaeological Commission. Addition to the issue 6.]. St. Petersburg, 1903.
26. Ignat'ev R.G. Gorodishha i kurgany Orenburgskoj gubernii [Hillforts and Burial Mounds of the Orenburg Province]. *Izvestija Arheologicheskoi komissii* [Proceedings of Archaeological Commission]. Is. 5. St. Petersburg, 1903.

27. Kastan'e I.A. Drevnosti Kirgizskoj stepi i Orenburgskogo kraja [Antiquities of the Kirgiz Steppe and Orenburg Region]. Trudy Orenburgskoj uchenoj arhivnoj komissii [Proceedings of the Orenburg Scientific Archive Commission]. Is. XXII. Orenburg, 1910.
28. Kerimov G.M. *Shariat i ego social'naja sushhnost'* [Sharia and Its Social Essence]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 224 p.
29. Kim I.A. Zolotoordynskij mavzolej u p. Bahtijarovka [The Golden Horde Mausoleum near the Village Bahtiyarovka]. *Drevnosti Volgo-Donskih stepej* [Antiquities of the Volga-Don Steppes]. Is. 3. Volgograd, Peremena Publ., 1993.
30. Kravcova O.A., Nechvaloda A.I. Molekuljarno-geneticheskiy analiz chelovecheskih ostankov zolotoordynskogo vremeni iz mavzoleja Husejnbeka [Molecular Genetic Analysis of the Golden Horde Human Remains from the Huseinbek Mausoleum]. *Ufimskij arheologicheskij vestnik* [Ufa Archaeological Bulletin]. Is. 6–7. Ufa, Gilem Publ., 2007.
31. Logashova B.-R. *Turkmeny Irana. Istoriko-jetnograficheskoe issledovanie* [The Turkmens of Iran. Historico-Ethnographic Study]. Moscow, Nauka Publ., 1976.
32. Mazhitov N.A. *Tajny drevnego Urala* [Secrets of the Ancient Urals]. Ufa, Bashkniгоizdat Publ., 1973. 136 p.
33. Mancevich-Mustafaeva N.V. Grobnicy v usypal'nice shirvanshahov [Tombs in the Crypts of Shirvanshakhs]. *Kratkie soobshhenija Instituta istorii material'noj kul'tury* [Brief Reports of the Institute of History of Material Culture]. Is. XXIV. Moscow, Leningrad, Akademija nauk SSSR Publ., 1949.
34. Mendikulov M.M. K karakteristike arhitektury Kazahstana XIX veka i nachala XX veka [The Characterization of Kazakhstan Architecture of the 19th century and beginning of the 20th century]. Margulan A., Basenov T., Mendikulov M. *Arhitektura Kazahstana* [The Architecture of Kazakhstan]. Alma-Ata, Kazgoslitizdat Publ., 1959.
35. Min ahadis an-nabi salla-lahi alejhi va sallam. *Arabskaja hrestomatija* [Arabic Anthology]. Sostaviteli V.F. Girgas i baron Rozen. St. Petersburg, 1912.
36. Morgunova N.L., Kraeva L.A., Matjushko I.V. Kurgannyj mogil'nik Mustaev V [The Burial Mound Mustaev V]. *Arheologicheskie pamjatniki Orenburzh'ja* [Orenburg Archaeological Monuments]. Is. VII. Orenburg, Orenburg state pedagogic universitet Publ., 2005. Ris. 10–12.
37. Nastich V.N. Arabopis'mennaja pogrebal'naja jepigrafika Juzhnogo Kazahstana i Kirgizii kak istoricheskij istochnik [Arabic Funerary Epigraphy of the Southern Kazakhstan and Kyrgyzstan as a Historical Source]. *Bartholdovskie chtenija 1981. God pjatyj. Tezisy dokladov i soobshhenij* [Barthold Readings 1981. Year V. Abstracts and reports]. Moscow, 1981.
38. Nemceva N.B. K istorii tkanej i odezhdy naselenija Srednej Azii XV v. [On the History of Textiles and Clothing of the Central Asian Population of the 15th century] *Iz istorii iskusstva Velikogo goroda* [From the Art History of the Great City]. Tashkent, literature i iskusstva Publ., 1972.
39. Noskova L.M. *Arhitekturnyj dekor zolotoordynskih gorodov Nizhnego i Srednego Povolzh'ja* [Architectural Decoration of the Golden Horde Cities in the Lower and Middle Volga Regions]. Avtoref. diss. kand. ist. nauk. Moscow, 1973.
40. Petrushevskij I.P. *Islam v Irane v VII–XV vekah* [Islam in Iran in the 7th–15th centuries]. Leningrad, Leningrad State universitet Publ., 1966.
41. Peshhereva E.M. *Jagnobskie jetnograficheskie materialy* [Yagnob Ethnographic Materials]. Dushanbe, Donish, 1976.

42. Pigarev E.M. Novye pamjatniki zolotoordynskoj jepohi v Astrahanskoj oblasti [New Monuments of the Golden Horde Epoch in the Astrakhan Region]. *XIII Arheologicheskoe soveshhanie. Tezisy dokladov* [XIII Archaeological Session. Abstracts]. Part. II. Ufa, Ufimskij nauchnyj centr Rossijskoj akademii nauk, 1996. P. 107.

43. Pigarev E.M. Hanskij nekropol' u sela Lapas Astrahanskoj oblasti [Khan's Necropolis near the Village of Lapas in the Astrakhan Region]. *Dialog gorodskoj i stepnoj kul'tur na evrazijskom prostranstve. Mater. IV Mezhdu-narodnaja konferencija, posvjashhennaja pamjati prof. MGU G.A. Fedorova-Davydova, 30 sentjabrja – 3 oktjabrja 2008 goda. Donskie drevnosti* [Dialogue between Urban and Steppe Cultures in Eurasia. Proceedings of the IV International Conference dedicated to the memory of Professor G.A. Fedorov-Davydov, September 30 – October 3, 2008. The Don Antiquities]. Is. 10. Azov, Azovskij gosudarstvennyj zapovednik Publ., 2009.

44. Piljavskij V. *Urgench i Mizdahkan* [Urgench and Mizdahkan]. Moscow, Akademija Arhitektury Akademii nauk SSSR Publ., 1948.

45. Popov S.A. *Tajny Pjatimarov* [The Secrets of Pyatimars]. Cheljabinsk, Juzh.-Ural'skoe knizhnoe Publ., 1971.

46. Pugachenkova G.A. K probleme voznikovenija «shatrovyh mavzoleev» Horasana [On the Problem of «Tent Mausoleums» in Khorasan]. *Materialy Juzhno-Turkmenskoj arheologicheskoi kompleksnoj jekspedicii* [Materials of the Southern Turkmenistan Archaeological Complex Expedition]. Is. 1. Ashhabad, Turkmenkij filial Akademii nauk SSSR Publ., 1949.

47. Pugachenkova G.A., Rempel' L.I. *Istorija iskusstv Uzbekistana s drevnejshih vremen do serediny XIX v.* [History of Arts of Uzbekistan from Ancient Times to the middle of the 19th century] Moscow, Iskusstvo Publ., 1965.

48. Rashid al-Din. *Sbornik letopisej* [Compendium of Chronicles]. Vol. III. Moscow, Leningrad, Akademija nauk SSSR, 1946.

49. Rykov P.I. Topografija Orenburgskoj gubernii [The Topography of Orenburg Province]. *Orenburgskie stepi v trudah P.I. Rychkova, Je.A. Jevermana, S.S. Neustrueva* [The Orenburg Steppe in the Writings of P.I. Rychkov, E.A. Eversman, S.S. Neustruev]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo geogra-ficheskoi literatury Publ., 1949.

50. Samashev Z., Kozhakov D., Taleev D. Sarajchik: problemy issledovanija Velikogo goroda [Saraichik: Problems of the Study of the Great City]. *Problemy izuchenija i sohranjenja istoricheskogo nasledija* [Problems of the Study and Preservation of Historical Heritage]. Almaty, 1998.

51. Sbornik materialov, odnosjashhihsja k istorii Zolotoj Ordy. Vol. 1. Izvlechenija iz sochinenij arabskih [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Vol. I: Excerpts from the Arab Writings]. St. Petersburg, Tip. Imperatorskoj Akademii nauk Publ., 1884.

52. Sbornik materialov, odnosjashhihsja k istorii Zolotoj Ordy. Vol. 2. Tizengau-zen V.G. Sbornik materialov, odnosjashhihsja k istorii Zolotoj Ordy. Vol. II. Izvleche-nija iz persidskih sochinenij [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Vol. II: Excerpts from the Persian Writings] Obrabotany A.A. Romaskevichem i S.L. Volinym. Moscow, Leningrad, Akademija nauk SSSR Publ., 1941.

53. Snesev G.P. Relikty domusul'manskih verovanij i obrjadov uzbekov Horezma [Relics of the pre-Islamic Beliefs and Rituals of Khorezm Uzbeks]. Moscow, Nauka Publ., 1969.

54. Snesev G.P. Tjurjabek-hanym. *Jetnografija i arheologija Srednej Azii* [Ethnography and Archaeology of Central Asia]. Moscow, Nauka Publ., 1979.
55. *Tadzhiki Karategina i Darvaza* [The Tajiks of Karategin and Darwaz]. Is. 3. Dushanbe, Donish, 1976.
56. Fedorov-Davydov G.A. *Iskusstvo kochevnikov i Zolotoj Ordj* [Art of the Golden Horde Nomads]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1976. 228 p.
57. Fedorov-Davydov G.A. Kul'tura i obshhestvennyj byt zolotoordynskih gorodov [Culture and Social Life of the Golden Horde Cities]. *Trudy VII Mezhdunarodnogo kongressa antropologicheskikh i jetnograficheskikh nauk* [Proceedings of the VII International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences]. 1964. Vol. 5. Moscow, Nauka Publ., 1970.
58. Formozov A.A. *Arheologicheskie puteshestvija* [The Archaeological Travels]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 120 p.
59. Halikova E.A. *Musul'manskije nekropoli Volzhskoj Bulgarii X – nachala XIII v.* [The Volga Bulgar Muslim Necropolis of the 10th – early 13th centuries]. Kazan, Kazan State universitet Publ., 1986. 160 p.
60. Cvetkov P. *Islamizm. Tom III. Prakticheskie objazannosti islamizma* [Islamism. Vol. III. The Practical Duties of Islamism]. Ashabad, 1913. 560 p.
61. Chekalin F.F. Saratovskoe Povolzh'e v XIV veke po kartam togo vremeni i arheologicheskim dannym [The Saratov Volga Region in the 14th century according to the Maps at the Time and Archaeological Evidence]. *Trudy Saratovskoj uchenoj arhivnoj komissii* [Proceedings of the Saratov Scientific Archive Commission]. Vol. 2. Is. 1. Saratov, 1889. Ris. 17.
62. Shanijazov K. *Uzbeki-karluki. Istoriko-jetnograficheskij ocherk* [The Uzbek-Qarluqs. Historico-Ethnographic Study]. Tashkent, Nauka Publ., 1960. 193 p.
63. Jakubovskij A.Ju. K voprosu o proishozhdenii remeslennoj promyshlennosti Saraja-Berke [On the Origins of Handicraft Industry in Saray-Berke]. *Izvestija gosudarstvennoj Akademii istorii material'noj kul'tury* [Proceedings of the State Academy of the History of Material Culture]. Vol. VIII. Is. 2–3. Moscow, Akademija nauk SSSR Publ., 1931.
64. Jakubovskij A.Ju. Razvaliny Urgencha [The Ruins of Urgench]. *Izvestija gosudarstvennoj Akademii istorii material'noj kul'tury* [Proceedings of the State Academy of the History of Material Culture]. Vol. VI. Is. 2. Moscow, Akademija nauk SSSR Publ., 1930.

About the author: Gennadij Nikolaevich Garustovich – Senior Research Fellow of the Archaeological Research Department of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Cand. Sci. (History) (450054, Prospekt Oktyabrya st., 71, Ufa, Bashkortostan); garustovich03@mail.ru